

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА И ОБРАЗ ПРАВА

Рожковский Виктор Львович,

Могилевский институт МВД Республики Беларусь (г. Могилев, Беларусь)

В статье рассматриваются проблемы соотношения образа человека и права в период трансформаций.

Антропологический подход к праву предполагает выведение идеи права и содержания правовых учений, исходя из смысла человеческого бытия, спосо-

ба его присутствия. Следует, однако, учитывать, что антропологический подход к праву присущ лишь модерну, до эпохи Ренессанса право соотносилось с конечными причинами мироздания. А постмодерн – новое испытание для правовой антропологии, человек как центр перспективы и источник правовых феноменов в его рамках не предусмотрен. В его рамках человек и право не могут рассматриваться под углом зрения субординации, причины и следствия, а лишь с точки зрения корреляции.

Зависимость между образом человека и образом права прослеживается уже в первых правовых учениях модерна. В частности, один из основателей правовой антропологии Г. Гроций считал влечение к общежитию природной склонностью человека, независимой от идеи пользы. То, что соответствует этой склонности, является моральным, то же, что поддерживает мирное общежитие, – правомерно. Следовательно, идея права является моральной, поскольку основана на природной склонности к общежитию.

Гоббс имел дело уже не с таким покладистым человеком, а с индивидом-эгоистом, стремящимся превратить себе подобного в средство и руководствующимся исключительно своими интересами и личной выгодой. Необходимость правопорядка осознается таким субъектом под страхом насилия со стороны таких же индивидов, что оправдывает механическую силу государства, соединяющую индивидов в одно целое, где правовая реальность подменяется реальностью государственных предписаний.

Ж.-Ж. Руссо строил теорию общественного договора на тех же основаниях, что и Гоббс. Его индивид также мотивирован личными интересами, но его предпочтение правопорядка обусловлено уже страхом перед деспотизмом государства, а не страхом перед себе подобными и не из моральных побуждений. К соблюдению общих норм государство принуждается волей народа, которая стоит выше всякой законности. Иными словами, на «разумном эгоисте» не утвердить примат права по отношению к воле (лица, группы, государства), возведенной в закон.

Злобный эгоцентризм Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо и других – это не плод фантазии просветителей, а продукт формирующейся цивилизации (капитализма). На этом фундаменте право с неизбежностью подменяется государственными распоряжениями.

Кантовское учение о человеке как «господине себе самому», не нуждающемся во внешней опеке – новая страница в правопонимании, в котором нет места ни личному, ни государственному произволу. Господин себе – не разумный эгоист, а моральное существо. Категорический императив – исходный момент права, это идеальное свойство человека полагается в качестве природного, а потому является критерием для оценки решений власти. Морально автономный индивид способен **по праву** противостоять экспансии любой чужой воли, возведенной в закон. Следовательно, только образ «человека мо-

рального» способен легитимировать **право** как безусловную **ценность**. Этико-правовая концепция И. Канта является образцом соответствия образа права и образа человека.

Мы должны констатировать: нормативная связь (внешний контроль, позитивное право) утвердилась как один из основных способов бытия современного человека, здесь действует логика факта, попытка же вывести ее из свойств человека – нонсенс. Исходя из человека и его свойств, проблематично обосновать **существование** нормативной связи между людьми и ее необходимость, но обнаружить корреляцию между сущностью человека (способом присутствия) и содержанием правовых норм – по силам правовой антропологии.

Знаменем времени является разделение антропологии на максималистскую и минималистскую в обосновании прав человека, как отражение нового положения человека в мире. Иссякли потенции антропологического поворота в европейской культуре с его человеком-демиургом. Человек модерна, будучи центром перспективы, создал вторую природу с ее экономико-политическими и правовыми устоями, но сегодня он заложник своих собственных порождений, форм общественной жизни, дискурсов. Максимальная антропология, соответствующая расцвету модерна и чрезмерным ожиданиям, пыталась выработать оптимальную форму бытия человека, исходя из образа человека, каким он должен быть. Образ человека-титана широко представлен в философской литературе XIX – первой половины XX в.: «рыцарь веры» С. Кьеркегора; «хозяин самому себе» И. Канта; «сверхчеловек» Ф. Ницше; «всесторонне развитая личность» марксизма; «человек как ось и направление развития универсума» М. Шелера, П. де Шардена и др.

Минималистская позиция представлена суждением французского философа А. Глюксмана о том, что идея прав человека становится определенной не потому, что мы знаем, каков идеальный человек, каким он должен быть по природе или в качестве совершенного человека, нового человека, человека будущего. Напротив, идея прав человека становится конкретной потому, что все очень хорошо представляют себе, кем человек не должен быть. У европейцев и всего человечества после XX в. достаточно примеров, кем не должен быть человек.

Другими словами, правовая антропология в условиях межвременья (модерн – постмодерн) акцентирует внимание не на самореализации и осмысленном существовании, а на начальных условиях (прирожденные, базовые), делающих человека человеком. Аргументируется переориентация следующим образом: права человека имеют антропологическую природу, и стремление к самосохранению оказывается выше, чем достижение новых жизненных вершин.

К XX в. антропологическая революция завершилась европейским экономико-политико-правовым дискурсом, ставшим кодом воспроизводства од-

ного и того же дискурса и типа человека. Перерождение смысла институтов государства не осталось незамеченным, помимо прямой критики (Г. Маркузе, А. Камю, Ж. Бодрийяр и др.), имеют место косвенные улики: радикализация противостояния позитивистского и естественно-правового мышления; «измельчание» образа человека; появление минималистской правовой антропологии и пр. Вместо человека-демиурга XVIII–XIX в. («господина самому себе», «сверхчеловека», «источника феноменов мира» и пр.) – образы человека из тиража, продукта массового производства XX в. («человек массы» Ортега-и-Гассета, «одномерный человек» Г. Маркузе, «молчаливое большинство» Ж. Бодрийяра, «электорат»). Человеку-клону не по силам дерзания «богоборцев» и творцов новых ценностей, для него уже успех – удержаться в рамках минималистской антропологии права.

При забвении экзистенциальной свободы и отсутствии воли к власти над зверем в себе – соблюдать хотя бы внешние требования позитивного права. Тупику модерна (институты модерна как коды и формы контроля) адекватен электорат, потребитель (никто, социальная функция) и нормативный порядок в качестве права, в котором минимум человеческого присутствия и корреляция с желудком.